

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 38, Is. 4, pp. 11–23, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-38-4-11-23
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930+94(47).084.6

Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг.*

Екатерина Николаевна Бадмаева¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8). ORCID: 0000-0002-4472-5535. E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация. Отечественная (советская и российская) историография уделяла значительное внимание изучению вопросов организации и функционирования системы органов власти различных уровней для управления огромной, многонациональной и многоконфессиональной страной.

Процесс национально-государственного строительства и управления национальными и социально-экономическими проблемами на Юге России в указанный период, в особенности на Северном Кавказе, где жили десятки этносов, имевшие многовековую культуру и религию, в общем, был непростым, особо трудноразрешимыми были характер и принципы решения земельно-территориальных вопросов и вопросов конституирования органов власти. В процессе управления, конечно, необходимо было учитывать национальные традиции и обычаи, особенности национального характера народов региона, дипломатично сочетать новые и старые формы правления, при необходимости использовать традиционные институты управления.

С учетом новых реальностей — перехода к новой экономической политике, коллективизации — ЦК ВКП (б) стал уделять нерусским народам большое внимание, в особенности подготовке национальных кадров и привлечению их к работе в органах власти на местах. В национальных автономиях Юга России, как и по всей стране, стала проводиться коренизация государственного аппарата и социально-культурных учреждений. Она воспринималась властью как одно из условий развития государственности коренных народов, как «средство подтягивания отсталых в культурном и экономическом отношении инородцев до уровня передовых». С ее помощью большевистская партия стремилась, с одной стороны, стабильно укрепить свои позиции в национальных районах, а с другой — распространить в них коммунистические идеи. Как известно, национальные регионы Юга России ощущали острую нехватку специалистов из представителей титульной национальности в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных учреждениях, отраслях промышленности и сельского хозяйства. В известной степени, как мы полагаем, в национальных автономиях сформировались национальные кадры — активные и послушные проводники политики коммунистической партии в регионе,

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации AAAA-A17-117030910096-7)

жившие в постоянном страхе от непрерывных репрессий государства и вследствие чего не могущие защищать в достаточной степени этнические и национальные интересы своих народов.

Ключевые слова: органы управления, Юг России, национальные автономии, XX век, система власти, политика коренизации, национальные кадры, нациестроительство

Любая партия, завоевавшая власть (демократическим или насильственным путем), как свидетельствует мировая история нового времени, в первую очередь сталкивается с проблемой управления страной. Россия в 1917 г. не стала исключением. Большевикам, взявшим власть в свои руки, необходимо было решать безотлагательные задачи экономического возрождения, спасения людей от голода и холода, выработки и формирования советской государственности. Решение этих архисложных задач было невозможно без организации и построения системы власти и управления. В принятой Конституции РСФСР 1918 г. третий раздел закреплял систему органов власти и управления в стране. В состав исполнительного органа — Совета Народных Комиссаров (СНК) — входили отраслевые народные комиссариаты во главе с народными комиссарами.

В статье 11 вышеуказанной Конституции 1918 г. зафиксировано право народов объединяться в автономные союзы и входить в состав России на принципах федерации: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы <...>. Эти областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Республику» [К истории образования ... 1960: 60]. В данной статье закреплялась формирующаяся в рамках РСФСР система автономий, устанавливались принципы взаимоотношений между Центром и национальными автономными образованиями, правовой статус органов власти. Начиная с принятия Конституции 1918 г. и на ее основании волеизъявлением народов и постановлением ВЦИК были провозглашены и созданы первые автономные образования на территории РСФСР, в том числе на Юге России.

В национально-территориальных автономиях функционировали высшие органы государственной власти — Республиканский съезд советов, ЦИК автономной республики. Высшим исполнительным органом АССР являлся СНК, в состав которого входили соответствующие наркоматы для руководства отраслями государственного управления.

В краях и областях РСФСР — в нефедерированных административно-территориальных единицах (далее — АТЕ) — власть именовалась местной, в отличие от власти в автономных республиках. В этом как раз кроется одно из принципиальных различий между административно-территориальными единицами и национально-территориальными автономиями. АССР представляла собой государственную форму автономии, тогда как края и области являли собой административную автономию, где власть осуществлялась на началах самоуправления. В автономных областях отраслевые органы ЦИКов осуществляли управление социально-экономическим и культурным строительством на местах. Каждая автономная область имела право самостоятельно (решением общенациональных съездов Советов) определять количество отделов и их структуру. Так, например, Общекалмыцкий съезд Советов калмыцкого народа образовал 14 отделов Калмыцкого ЦИКа и закрепил отношения между органами власти национальной автономии и Центра. Съезд Советов и Центральный исполнительный комитет автономной области калмыцкого народа непосредственно подчинялись ВЦИК и Совнаркому. В целом по такой схеме работали все автономные области. Так, профильные наркомы РСФСР утверждали руководителей отделов ЦИК автономных областей.

В автономных образованиях, а также в нефедерированных АТЕ, решением VIII всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) были созданы экономические совещания, являющиеся органами Совета труда и обороны на местном уровне. В их задачу входило установление связей между хозяйственными органами, находившимися в подчинении для обеспечения согласованной хозяйственной политики.

В Конституции РСФСР 1925 г., в специальной главе «Об автономных советских социалистических республиках и областях», в сорок четвертой статье была сделана попытка определить правовую природу автономной области. Более четко и конкретно положение автономной области в федерации определено в декрете ВЦИК «О реорга-

низации Высших исполнительных органов в автономных областях в соответствии с Конституцией РСФСР» от 18 января 1926 г. Конституция и декрет ВЦИК не рекомендовали исполкомам автономных областей именовать себя высшим органом власти, как в автономных республиках, а предлагалось называться областными исполнительными комитетами. Тем самым законодатель подчеркнул неравнозначность и иерархическую подчиненность автономной области и определил ее место в системе государственной власти федеративной республики [СУ РСФСР. 1926. Ст. 82]. Областные исполкомы вместе с исполкомами губернских и низовых Советов, по мысли центральных властей, должны были составлять единую систему управления.

Такова была в общих чертах система власти и управления в автономных образованиях РСФСР в 1920-х гг.

Отечественная (советская и российская) историография уделяла значительное внимание изучению вопросов организации и функционирования властных структур различных уровней для управления огромной, многонациональной и многоконфессиональной страной, какой являлась Россия в послереволюционный период. Среди работ по данной проблематике представляют интерес работы непосредственных участников социалистических преобразований в первые десятилетия советской власти [Бинеман, Хейман 1930; Богданов 1921; Владимирский 1920; Книпович 1929; Дзержинский 1928; Каганович 1923; Куйбышев 1925; Розмирович 1926; Фукс 1931]. Их публикации представляют интерес в основном для получения целостной картины того или иного исторического периода. В них косвенно рассматривались вопросы кадровой политики, которые были одними из самых обсуждаемых в государстве и обществе; правильно подобранные кадры, по их мнению, являлись могучим рычагом для выполнения основных директив коммунистической власти.

Историками советского периода написаны научные работы, исследующие в масштабах страны систему власти и управления, советскую государственную службу, партийное руководство государственным управлением отраслями экономики, социально-культурными процессами и т. д. [Власов 1959; Ирошников 1967; Лазарев 1972]. Эти и другие исследования строятся

в основном на рассмотрении ленинских принципов формирования кадров аппарата государственного управления, описании целей и средств реализации официальной кадровой политики в СССР. Однако высокая степень политизированности данных работ не дает точного представления о реальных процессах, происходивших в Центре и на местах.

В постсоветский период опубликованы работы, в которых исследованы принципы формирования государственного аппарата, с новых позиций оценивалась работа государственных органов РСФСР и региональных структур власти [Архипова и др. 1999; Макаров 2002; Коржихина 1994; Пашин, Свириденко 1998; Чернев 2004].

Значительный вклад в изучение данной проблематики внесла профессор Т. П. Коржихина, крупнейший специалист в области российской государственности. Ее перу принадлежит ряд научных трудов, посвященных изучению органов власти и управления. В 1980-е гг. она разрабатывает целую концепцию административно-командной системы управления (АКСУ) и выделяет ее основные системообразующие черты, такие как: умаление роли Советов; замена лозунга «Власть трудящихся» на «Власть для трудящихся»; «чрезвычайщина» — совокупность методов и приемов управления путем массовых репрессий и административного принуждения; номенклатурный принцип назначения на руководящие должности [Коржихина 1992: 17]. Одна из магистральных работ этого автора, написанная в соавторстве, посвящена истории российской государственности с анализом основных его компонентов [Коржихина, Сенин 1995].

В исследовании управленческих структур советского периода признанными работами являются труды Е. Г. Гимпельсона [Гимпельсон 2001; 2003], в которых подробно рассматриваются принципы формирования новой партийно-государственной номенклатуры, кадровый и профессиональный состав органов центральной власти, наркоматов и ведомств. Однако автор не в полной мере рассматривает региональную и национальную специфику при подборе кадров партийно-государственного управления, впрочем, такой задачи, видимо, автор не ставил перед собой.

В первые послеоктябрьские десятилетия группа специалистов и непосредственных участников строительства советского обще-

ства опосредованно анализируют проблемы становления и развития системы власти и управления в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. [Авторханов 1933; Борисенко 1930; Гатуев 1928; Ошаев 1928; Раенко-Туранский 1927; Тахо-Годи 1927; Янчевский 1927; Борисов 1926; Глухов 1926]. В основном авторы сосредоточивали свое внимание на пропаганде «верного, безошибочного» руководства ВКП(б) политическими, социально-экономическими и культурными процессами в регионах Юга России. В них, как и в последующих периодах советской историографии, не было глубокого научного анализа деятельности системы власти и управления, практически не встречались элементы критики в отношении политики советского государства. В основном вся работа партийно-советских структур рисовалась в радужных тонах. Политическая конъюнктура этих работ сказалась в виде искажения отдельных исторических фактов, многие оценки, данные в них, в частности, управленческих решений органов власти носят тенденциозный характер. Вследствие этого опубликованные статьи и работы указанного этапа развития историографии не представляют значимой научной ценности. Однако для современных исследователей весьма ценен тот большой фактический местный материал, который имеется в их работах, так как он дает возможность соприкоснуться с реальными фактами истории и живыми людьми того времени.

Среди сложного комплекса проблем, которыми занималась новейшая российская историография, одной из привлекательных и малоизученных, на наш взгляд, было изучение вопросов формирования, развития и деятельности региональных органов управления [Хутыз 1993; Бугай, Мекулов 1994; Бугаев 2011; Гутиева 2011а, Гутиева 2011б; Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012; Карпов 2017; Максимов 2002, 2018; Бадмаева 2017; Туфанов 2018].

В этом ряду, безусловно, деятельность властных структур Чечни и Ингушетии в 1920–1930 гг. в области экономического развития региона, государственного строительства, культуры также привлекала внимание отечественных исследователей и ученых из самого региона. Из последних интересна работа Т. Эльбуздукаевой, в которой проанализированы как эффективные действия, так и промахи региональных и центральных органов власти, сказавшиеся

на социально-экономическом развитии территории [Эльбуздукаева 2013].

Одной из прорывных в последнее десятилетие в современной историографии является проблема нациестроительства, которую в историко-психологическом плане рассмотрел В. П. Булдаков. Одной из причин непоследовательности политики советского государства на Северном Кавказе исследователь назвал низкую компетентность партийно-государственных чиновников в северо-кавказских автономиях [Булдаков 2012: 599].

Надо сказать, что процесс управления национальными и социально-экономическими проблемами на Юге России — регионе, отличавшемся этническим, языковым и религиозным многообразием, трудностью решения земельно-территориальных вопросов и вопросов конституирования органов власти, в общем, был непростым. В процессе управления необходимо было учитывать национальные традиции, обычаи, особенности национального характера народов региона, сочетать новые и старые формы правления, при необходимости использовать традиционные институты управления. Как отмечают в одной из своих работ Т. Ю. Красовицкая и Д. А. Аманжолова: «по мере выяснения слабости власти на Северном Кавказе с 1920 года стали широко применяться традиционные институты управления. Так проводились Всероссийские мусульманские съезды, создавались национальные школы. До коллективизации большевики вынуждены сохранять полиюридизм — шариатские суды и советы старейшин, комиссии по примирению кровников действовали параллельно с органами власти» [Этнический и религиозный факторы 2012: 64].

Аналогичным образом действовали властные структуры советской Калмыкии, которые при проведении массовых мероприятий старались привлечь на свою сторону буддийских священнослужителей, традиционно пользовавшихся большим влиянием среди калмыцкого населения. Так, например, перед тем как начать изъятие церковных ценностей в буддийских храмах в 1922 г., члены ЦИК КАО Чавычалов и представитель Манычского улусного исполкома Лиджиев прибыли к ламе калмыцкого народа Гавве Сеперову с целью получения информации о настроении и отношении священнослужителей и религиозной паствы к намеченной карательной акции. Только

после встречи с ламой калмыцкого народа власти начали варварскую кампанию по изъятию церковных ценностей. После проведения реквизиций в буддийских хурулах местные органы власти сообщили в Центр: «в улусах оценивалось настроение буддийского духовенства как благожелательное, открытых контрвыступлений не отмечалось, изъятие проходило в спокойном русле и в нормальных условиях» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 19. Л. 72].

Советская власть в 1920-е гг. пыталась заигрывать с буддийским духовенством, зная, что оно имеет прямые связи с Тибетом, хотело использовать местное ламство для продвижения «мировой революции» на Восток. Власть разрешила провести 19 июля 1923 г. съезд буддийского духовенства Калмыкии. Однако союз власти и церкви не был прочным, их относительно мирное сосуществование не было долгим. После 1927 г., по призыву И. В. Сталина, отмечавшего, что «у нас имеется такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы» [Сталин 1945: 324], началось новое повсеместное наступление властей на религию и духовенство.

Большевики с началом процесса предоставления автономии нерусским народам стали уделять большое внимание подготовке национальных кадров и привлечению их к работе в органах власти территории.

13 ноября 1920 г. нарком по делам национальностей И. Сталин в своей речи по случаю провозглашения автономии Дагестана особо подчеркнул важность выдвижения национальных кадров в процесс управления республикой: «Давая автономию Дагестану, советское правительство имеет определенную цель выделить из среды местных работников честных и преданных, любящих свой народ, и вверить им все органы управления Дагестана, как хозяйственные, так и административные <...> Никакой другой цели, как поднятие его на высшую культурную ступень путем привлечения местных работников, советская власть не имеет» [Союз объединенных горцев 1994: 363].

В 1921 г. X съезд РКП(б) поставил перед партией и государством задачу подтянуть отсталых в культурном и экономическом отношении инородцев до уровня передовых и, в частности, «помочь трудовым массам невеликорусских народов развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, ор-

ганы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения» [КПСС в резолюциях ... 1953: 559].

В национальных автономиях Юга России стала активно проводиться коренизация госаппарата и социально-культурных учреждений. Данная политика воспринималась властью как одно из условий развития государственности коренных народов. С ее помощью большевистская партия стремилась, с одной стороны, к укреплению своих позиций в национальных районах, а с другой — распространить в них коммунистические идеи. Не случайно, что один из современных исследователей Ю. И. Шаповал назвал политику коренизации «тактикой «коренизации» коммунизма на нерусских окраинах» [Шаповал 2014: 55].

Политика коренизации, по словам Т. П. Хлыниной, «должна была стать одним из способов такого стадийного ускорения на пути продвижения к социализму, неизбежным следствием которого мыслилось и достижение „полноты национального существования“ народов» [Хлынина 2014: 107]. Одна из крупнейших исследователей «нациестроительства» на Северном Кавказе подробно проанализировала суть политики коренизации в указанный период, отметила ее роль в решении национального вопроса в целом в кавказском регионе.

Коренизация аппарата и культурно-социальных учреждений в этот период проводилась в четырех жизненно важных для нациестроительства направлениях: в области формирования национального языка, национальной территории, национальной элиты и национальной культуры.

Национальные регионы Юга России после революции ощущали острую нехватку специалистов из представителей титульной национальности в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных учреждениях, отраслях промышленности и сельского хозяйства. Например, по данным комиссии Оргбюро ЦК РКП(б), из 1 154 работников республиканского аппарата Горской республики осетин было всего 150 человек (18,6 %), ингушей — 29 (7,7 %), русских около 1000 сотрудников (57,3 %) [Национально-государственное строительство 1995: 73]. По данным К. Н. Максимова, в областном аппарате управления Калмыцкой автономной области (по состоянию на 1925 г.) число служащих-калмыков

составляло 87 чел., или 18,3 % от общего количества служащих, тогда как русских и представителей других национальностей — 349 чел., или 81,7 % [Максимов 2002: 286]. Руководство южнороссийских автономий в рамках политики коренизации стало проводить большую работу по подготовке и продвижению кадров титульной национальности в партийные и советские руководящие составы. В автономных образованиях организовывалось обучение в совпартшколах и специальных курсах. Только в 1925 г. областная совпартшкола в Калмыкии подготовила для работы в партийных и советских учреждениях 232 чел., из которых калмыки составляли 70 % [Максимов 2002: 286]. На подготовку специалистов в органах власти и управления направлялись значительные средства и в течение ряда лет. Так, Черкесский областной исполком совета рабочих, крестьянских, красноармейских, горских и казачьих депутатов оплатил за год обучения 30 курсантов-секретарей в 1936 г. 105 758 руб. 75 коп. [Хлынина 2014: 108].

Обучение квалифицированных кадров из числа представителей местных народов проводилось в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Тбилиси и других городах страны. В 1924–1925 уч. г. за пределами своих автономий обучалось 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925–1926 гг. — 685 человек. За этот период коренизация управленческого аппарата в Кабардино-Балкарской автономной области составила: в сельских советах — 95,5 %, в районных организациях — 40 %, в областных учреждениях — 17 % [Хлынина 2014: 110]. Все эти цифры и факты говорят об ускоренном решении задачи коренизации чиновников, партийного и государственного аппарата в регионах Юга России. Однако так обстояло дело не во всех южнороссийских регионах. Например, в Чечено-Ингушской автономии процент коренизации областного аппарата вместо запланированных 60 % составил всего 27 % [Хлынина 2014: 108]. В процентном отношении работники коренных национальностей партийно-государственного аппарата национальных районов составляли к общему числу населения: в Карачае — 51 % ответственных и 22,2 % технических работников; в Чечне — 37 % ответственных и 10,8 % технических работников; в Кабарде — 88 % ответственных и 31 % технических работников; в Северной Осетии — 82 % ответственных работников и 60 % — технических; в Черкесии — 46 %

(процентное соотношение по этому национальному району дается без разделения на ответственных и технических работников. — Б.Е.) [Этнокультурные проблемы ... 2002: 83].

Коренизация партийно-административного аппарата, в ходе которого нередко практиковалось смещение с руководящих постов русских и других представителей нетитульной национальности, вызывала у них открытое возмущение. Так, например, в Калмыкии недовольство проявляла часть русского населения, она выдвигала, к примеру, такие требования: «Нам нужно предоставить право наравне с калмыками» [Хмара 2006: 132].

Наиболее сложной задачей в деле коренизации было обеспечение перевода структур государства и делопроизводства на национальный язык титульных народов, согласно постановлению Президиума ВЦИК от 14 апреля 1924 г. «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки».

В регионах Северного Кавказа и в Калмыкии вопрос перевода делопроизводства на родной язык оказался трудным и затратным мероприятием по причине слабости финансовой базы и недостаточности средств для ее проведения, затруднения переписки с центральными органами власти, неопределенности с выбором национальной письменности, недостаточной готовности самого языка (неразработанность грамматики, отсутствие необходимой терминологии, отсутствие либо зачаточное состояние научного, юридического, официально-делового, общественно-политического функциональных стилей в национальных языках) и др.

Тем не менее в 1927 г. в Калмыцкой АО удалось ввести делопроизводство на калмыцком языке во всех учреждениях Хошеутовского улуса и в отдельных аймаках еще трех улусов. В тех улусах и аймаках, где ввели делопроизводство на национальном языке, практически все население, включая малочисленное русское и иное, неплохо говорило на калмыцком языке. Этот фактор плюс эффективная управленческая работа улусного (районного) и аймачного (поселкового) аппарата способствовали успешному ведению делопроизводства на калмыцком языке. В национальных автономиях Юга России организованными комиссиями

по коренизации были приняты «Планы коренизации и перехода делопроизводства на коренной язык», где для каждой организации устанавливались конкретные сроки перехода на язык титульной национальности. В Карачаевской автономной области увольнению подлежали чиновники, не справившиеся к намеченным срокам с поставленными задачами коренизации [ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 59. Л. 30].

ВЦИК РСФСР 10 июля 1931 г. установил конкретные сроки завершения перехода делопроизводства на национальные языки для северокавказских регионов: Северная Осетия и Адыгея — к январю 1932 г.; Ингушетия, Черкесия, Карачай — к июню этого же года; Кабардино-Балкария и Чечня — к январю 1933 г. Однако сроки перевода делопроизводства на национальные языки автономных образований Юга России не были выдержаны и постепенно, к середине 1930 гг., политика коренизации начала сворачиваться. Как отметил В. Г. Шнайдер: «... по мере усиления советского государства, что в данном случае связано с укреплением позиций социализма в России, этому направлению (политике коренизации. — *Б. Е.*) в работе с национальными автономиями уделялось всё меньшее значение» [Шнайдер 2007: 73].

Тем не менее, надо сказать, что хотя политика коренизации госаппарата и советских учреждений не была завершена и не реализована полностью, она имела большое значение для формирования национальных кадров в партийно-советском и хозяйственном руководстве, в ликвидации неграмотности населения, создании национальной письменности, культуры.

Партия большевиков через коренизацию партийно-государственного и хозяйственного аппарата и социально-культурных учреждений, как нам представляется, добилась повышения уровня управляемости обществом, социально-экономическими и культурными процессами в стране. В национальных автономиях сформировались национальные кадры — активные и послушные проводники политики партии в регионе, которые в условиях всеобщего страха, охватившего общество, не могли выступить в защиту этнических и национальных интересов своих народов. Политика коренизации позволила в определенной степени снизить нараставший рост национализма среди нерусских народов. В этой

связи можно в какой-то мере согласиться с утверждением профессора Гарвардского университета Т. Мартина о том, что СССР в 1920 гг. «первым из традиционных европейских многонациональных государств оказал сопротивление поднимающемуся национализму. Для того чтобы нейтрализовать национализм, точнее взять его под контроль, Советская власть сознательно готовила и продвигала местные кадры для руководства нерусскими республиками, поощряла развитие национальных языков, культур и национального самосознания нерусских народов» [Мартин 2011: 10]. Парадоксальность ситуации состояла в том, что она же, советская власть, потом самым жесточайшим образом расправилась с трудом взращенной ею национальной элитой.

В середине 1930-х гг. происходят кардинальные изменения в национальной политике Советского государства. На XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин в своем докладе дал понять своим соратникам, что, увлекшись борьбой с великорусским шовинизмом, партия забыла о втором уклоне — «местном национализме», который расцвел «махровым цветом» в ряде республик. «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности» [Сталин 1945: 474]. Тем самым партийный вождь дал старт уничтожению национальных элит, и совсем скоро последовал «большой террор». На Северном Кавказе десяткам тысяч людей из числа госпартаппаратчиков, интеллигенции, служащих и др. были предъявлены ложные обвинения в национализме, панисламизме, пантюркизме, создании террористических организаций, развале отраслей народного хозяйства. Многих из них посадили в тюрьмы или расстреляли. В Калмыкии пострадали высшие руководители республики калмыцкой национальности, обвиненные в «преднамеренном» подрыве социалистической экономики, в панмонголизме, в создании (участии) «буржуазно-националистических организаций» с целью образования единого монгольского государства на территории республики или организации массового переезда калмыков в МНР. Для национальных руководителей Калмыкии даже проводимая по указанию сверху государственная политика коренизации партийно-советского аппарата, в конечном итоге, вылилась обвинением в проталкивании на

номенклатурные посты людей титульной национальности [Бадмаева 2017: 140].

Анализ конкретного материала и выводов, сделанных отечественными и зарубежными исследователями на примере национальных территорий Юга России, нам представляется весьма важным и интересным, так как он дает возможность проследить практику работы органов управления, выявить достижения и недостатки в их деятельности, с тем чтобы учитывая опыт и ошибки прошлого, выстроить в настоящем эффективную государственную службу, способную решать актуальные проблемы сегодняшнего дня.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА КЧР — Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. [*Gosudarstvennyy arkhiv Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki* [State Archive of the Karachay-Cherkess Republic].]

К истории образования ... 1960 — К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 г. — октябрь 1920 г.): Сб. док. и мат-лов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. Док. № 43. 104 с. [*K istorii obrazovaniya avtonomnoy oblasti kalmytskogo naroda (oktyabr' 1917 g. — oktyabr' 1920 g.): Sb. dok. i mat-lov* [Autonomous Oblast of the Kalmyk People: history of formation revisited (October 1917 — October 1920): collected documents and materials]. Elista: Kalm. Book Publ., 1960. Doc. No. 43. 104 p. (In Rus.)]

КПСС в резолюциях... 1953 — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. М.: Госполитиздат, 1953. 1204 с. [*KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSK* [The CPSU: resolutions and decrees of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee]. Rev. 7. Moscow: Gspolitizdat, 1953. 1204 p. (In Rus.)]

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. [*Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia].]

Союз объединенных горцев 1994 — Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): Док-ты и мат-лы / Под. ред. А. И. Османова. Махачкала, 1994. 438 с. [*Soyuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaya respublika (1918–1920 gg.):*

Dok-ty i mat-ly [Union of the Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), Mountain Republic (1918–1920): documents and materials]. A. I. Osmanov (ed.). Makhachkala, 1994. 438 p. (In Rus.)]

СУ РСФСР 1926 — Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 11. Ст. 82. [*Sobranie uzakoneniye i rasporyazheniy Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* [Collected legislations and decrees issued by the Workers and Peasants' Government of the RSFSR]. 1926. No. 11. Art. 82. (In Rus.)]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Авторханов 1933 — Авторханов А. Г. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный: Чеченск. нац. изд-во, 1933. 173 с. [Avtorkhanov A. G. *Revolutsiya i kontrrevolyutsiya v Chechne. Iz istorii grazhdanskoy voyny v Terskoy oblasti. Kratkie ocherki* [The Revolution and counter-revolution in Chechnya. Excerpts from the history of the Civil War in the Terek Oblast. Brief essays]. Grozny: Chechen National Publ. House, 1933. 173 p. (In Rus.)]

Архипова 1999 — Архипова А. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVIII–XX вв. М.: Российск. гос. гуманитарн. ун-т, 1999. 231 с. [Arkhipova A. G., Rumyantseva M. F., Senin A. C. *Istoriya gosudarstvennoy sluzhby v Rossii. XVIII–XX vv.* [A history of the state service in Russia: 18th–20th cc.]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1999. 231 p. (In Rus.)]

Бадмаева 2017 — Бадмаева Е. Н. Исторический опыт формирования и развития органов государственного управления в Калмыкии в 1917–1943 гг. / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. 241 с. [Badmaeva E. N. *Istoricheskiy opyt formirovaniya i razvitiya organov gosudarstvennogo upravleniya v Kalmykii v 1917–1943 gg.* [Formation and development of Kalmykia's government bodies in 1917–1943: a historical experience]. K. N. Maksimov (ed.). Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. 241 p. (In Rus.)]

Бинеман, Хейман 1930 — Бинеман Я., Хейман С. Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР. М.: Планхозгиз, 1930. 299 с. [Bineman Ya., Kheyman S. *Kadry gosudarstvennogo i kooperativnogo apparata SSSR* [The USSR: cadres of the state and cooperative apparatus]. Moscow: Plankhozgiz, 1930. 299 p. (In Rus.)]

- Богданов 1921 — *Богданов Н. С.* Государственное регулирование сельского хозяйства и задачи агрономии. М.: Гос. изд-во 1921. 26 с. [Bogdanov N. S. *Gosudarstvennoe regulirovanie sel'skogo khozyaystva i zadachi agronomii* [Government regulation of the agricultural industry and objectives of the latter]. Moscow: State Publ., 1921. 26 p. (In Rus.)]
- Борисенко 1930 — *Борисенко И.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. / под ред. Н. Лихницкого. Ростов н/Д.: Северный Кавказ, Т. 1. 1930. 271 с.; Т. 2. 1930. 271 с. [Borisenko I. *Sovetskie respubliki na Severnom Kavkaze v 1918 g.* [Soviet republics in the North Caucasus in 1918]. N. Likhnitsky (ed.). Rostov-on-Don: Severnyy Kavkaz, 1930. Vol. 1. 271 p.; Vol.2. 271 p. (In Rus.)]
- Борисов 1926 — *Борисов Т.* Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. 97 с. [Borisov T. *Kalmykiya. Istoriko-politicheskij i sotsial'no-ekonomicheskij ocherk* [Kalmykia: an essay on history, policy, society, and economy]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 97 p. (In Rus.)]
- Бугаев 2011 — *Бугаев А. М.* Установление советской власти на Северном Кавказе и строительство национальной государственности горских народов (март 1920 – апрель 1921 гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2. С. 71–80. [Bugaeв A. M. Establishment of the Soviet regime in the North Caucasus and formation of national autonomies by mountain peoples (March 1920 – April 1921). *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki*. 2011. No. 2. Pp. 71–80. (In Rus.)]
- Бугай, Мекулов 1994 — *Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп: Меоты, 1994. 424 с. [Bugay N. F., Mekulov D. Kh. *Narody i vlast': «sotsialisticheskij eksperiment» (20-e gg.)* [People and the power structure: a 'socialist experiment' (1920s)]. Maykop: Meoty, 1994. 424 p. (In Rus.)]
- Булдаков 2012 — *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия. 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с. [Buldaков V. P. *Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya. 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, and power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia. 1920-1930s]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 759 p. (In Rus.)]
- Владимирский 1920 — *Владимирский М.* Организация власти на местах. Томск: Центр-печать, 1920. 95 с. [Vladimirsky M. *Organizatsiya vlasti na mestakh* [Organizing local governments]. Tomsk: Tsentro-pechat', 1920. 95 p. (In Rus.)]
- Власов 1959 — *Власов В. А.* Советский государственный аппарат. М.: Госюриздат, 1959. 374 с. [Vlasov V. A. *Sovetskiy gosudarstvennyy apparat* [The Soviet state apparatus]. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 374 p. (In Rus.)]
- Гатуев Дз. 1928 — *Гатуев Дз.* «Империя» Узун-Хаджи // Революционный Восток. 1928. № 4–5. С. 264–301. [Gatuev Dz. Uzun Hajji's 'empire'. *Revolutsionnyy Vostok*. 1928. No. 4–5. Pp. 264–301. (In Rus.)]
- Гимпельсон 2001 — *Гимпельсон Е. Г.* Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 225 с. [Gimpelson E. G. *Sovetskie upravlentcy. 20-e gody (Rukovodyaschie kadry gosudarstvennogo apparata SSSR)* [Soviet policy makers: 1920s (senior executives of the USSR state apparatus)]. Moscow: Institute of Russian History of RAS, 2001. 225 p. (In Rus.)]
- Гимпельсон 2003 — *Гимпельсон Е. Г.* Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 226 с. [Gimpelson E. G. *Stanovlenie i evolyutsiya sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya. 1917–1930* [The Soviet state government apparatus: formation and evolution (1917–1930)]. Moscow: Institute of Russian History of RAS, 2003. 226 p. (In Rus.)]
- Глухов 1926 — *Глухов И. К.* От патриархальщины к социализму. Астрахань: Калмиздат, 1926. 276 с. [Glukhov I. K. *От patriarkhal'schiny k sotsializmu* [From patriarchal backwardness towards Socialism]. Astrakhan: Kalmizdat, 1926. 276 p. (In Rus.)]
- Гутиева 2011а — *Гутиева М. А.* Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // Гуманитарные и социальные науки. 2011а. № 1. С. 2–7. [Gutieva M. A. North Caucasus: nativization of cadres and (local) peculiarities of the policy implementation. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2011a. No. 1. Pp. 2–7. (In Rus.)]
- Гутиева 2011б — *Гутиева М. А.* Взаимодействие центральных и местных органов власти в условиях формирования советской модели управления Северным Кавказом (1917–1939 гг.) // Гуманитарные и социаль-

- но-экономические науки. 2011б. № 2. С. 53–59. [Gutieva M. A. Interaction between central and local government agencies in the context of establishing a Soviet administrative system in the North Caucasus (1917–1939). *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2011b. No. 2. Pp. 53–59. (In Rus.)]
- Дзержинский 1928 — Дзержинский Ф. Э. Основные вопросы хозяйственного строительства СССР. М.: Госиздат, 1928. 222 с. [Dzerzhinsky F. E. *Osnovnye voprosy khozyaystvennogo stroitel'stva SSSR* [Economic development of the USSR: key issues]. Moscow: Gosizdat, 1928. 222 p. (In Rus.)]
- Ирошников 1967 — Ирошников М. П. Создание советского централизованного государственного аппарата. Совет народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918 гг. Л.: Наука, 1967. 302 с. [Iroshnikov M. P. *Sozдание sovetskogo tsentralizovannogo gosudarstvennogo apparata. Sovet narodnykh Komissarov i narodnye komissariaty. Okt'yabr' 1917 – yanvar' 1918 gg.* [Creating the Soviet institutional state apparatus. The Council of People's Commissars and People's Commissariats. October 1917 – January 1918]. Leningrad: Nauka, 1967. 302 p. (In Rus.)]
- Каганович 1923 — Каганович Л. М. Местное советское самоуправление. Строительство советской власти на местах. М.: Красная новь, 1923. 79 с. [Kaganovich L. M. *Mestnoe sovetskoe samoupravlenie. Stroitel'stvo sovetskoy vlasti na mestakh* [Soviet local self-government. Creating local Soviet government structures]. Moscow: Krasnaya Nov', 1923. 79 p. (In Rus.)]
- Карпов 2017 — Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX века: эволюция проблем и решений. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с. [Karpov Yu. Yu. *Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX veka: evolyutsiya problem i resheniy* [Nationalities policy of the Soviet state in the North Caucasus periphery: 1920–1930s. Evolution of challenges and solutions]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. 400 p. (In Rus.)]
- Книпович 1929 — Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года. М.: Госиздат, 1929. 46 с. [Knipovich B. N. *Ocherk deyatel'nosti Narodnogo komissariata zemledeliya za tri goda* [People's Commissariat for Agriculture: a three-year activity report]. Moscow: Gosizdat, 1929. 46 p. (In Rus.)]
- Коржихина 1992 — Коржихина Т. П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления: проблемы и факты. М.: изд-во РГГУ, 1992. С. 4–26. [Korzhikhina T. P. Emergence of the administrative-command system. *Administrativno-komandnaya sistema upravleniya: Problemy i fakty* [Administrative-command system: problems and facts]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1992. Pp. 4–26. (In Rus.)]
- Коржихина 1991 — Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М.: изд-во РГГУ, 1994. 418 с. [Korzhikhina T. P. *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 g. dekabr' 1991 g.* [The Soviet state and its agencies: November 1917 to December 1991]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994. 418 p. (In Rus.)]
- Коржихина, Сенин 1995 — Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995. 197 с. [Korzhikhina T. P., Senin A. S. *Istoriya rossiyskoy gosudarstvennosti* [A history of Russian statehood]. Moscow: Interpraks, 1995. 197 p. (In Rus.)]
- Куйбышев 1925 — Куйбышев В. В. Задачи ЦКК-РКИ по рационализации госаппарата в плане работы РКИ на 1925–1926 год: доклад на курсах работников РКИ 19 июня 1925 г. М.: Госиздат, 1925. 119 с. [Kuybyshev V. V. *Zadachi TsKK-RKI po ratsionalizatsii gosapparata v plane raboty RKI na 1925–1926 god: Doklad na kursakh rabotnikov RKI 19 iyunya 1925 g.* [Central Control Commission of Rabkrin: state apparatus optimization tasks within the 1925–1926 Rabkrin Action Plan. A report delivered at Rabkrin training courses on 19 June 1925]. Moscow: Gosizdat, 1925. 119 p. (In Rus.)]
- Лазарев 1972 — Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М.: Юрид. лит., 1972. 280 с. [Lazarev B. M. *Kompetentsiya organov upravleniya* [Competence of government agencies]. Moscow: Yurid. Lit., 1972. 280 p. (In Rus.)]
- Макаров 2002 — Макаров В. Б. Советское государственное управление первого десятилетия: эволюция системы. Н. Новгород: ВВАГС, 2002. 272 с. [Makarov V. B. *Sovetskoe gosudarstvennoe upravlenie pervogo desyatiletia: evolyutsiya sistemy* [The Soviet

- government structures during the first decade: evolution of the system]. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Acad. of Public Administration, 2002. 272 p. (In Rus.)]
- Максимов 2018 — Максимов К. Н. Исторический опыт нациестроительства в РСФСР в 1920-е годы // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 37 (1). С. 14–23. [Maksimov K. N. The historical experience of national development in Soviet Russia in 1920s. *Vestnik Kalmytского universiteta*. 2018. No. 37 (1). Pp. 14–23. (In Rus.)]
- Максимов 2002 — Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с. [Maksimov K. N. *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii* [Kalmykia in Russia's national policies and administrative system]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Rus.)]
- Мартин 2011 — Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с. [Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The affirmative action Empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. O. R. Schelokova (transl.). Moscow: ROSSPEN, 2011. 662 p. (In Rus.)]
- Национально-государственное строительство 1995 — Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. 286 с. [*Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii: Severnyy Kavkaz (1917–1941 gg.)*] [Nation statehood construction in the Russian Federation: North Caucasus (1917–1941)]. Maykop: Meoty, 1995. 286 p. (In Rus.)]
- Ошаев 1928 — Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный: Издание Чеч. ОДН, 1928. 26 с. [Oshaev Kh. *Ocherk nachala revolyutsionnogo dvizheniya v Chechne* [An essay on the beginnings of the revolutionary movement in Chechnya]. Grozny: Chech. ODN, 1928. 26 p. (In Rus.)]
- Пашин, Свириденко 1998 — Пашин В. П., Свириденко Б. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М.: ГАСБУ, 1998. 225 с. [Pashin V. P., Sviridenko B. P. *Kadry kommunisticheskoy nomenklatury: metody podbora i vospitaniya* [Communist party elites: selection and training methods]. Moscow: State Acad. of Household Sphere and Services, 1998. 225 p. (In Rus.)]
- Раенко-Туранский 1927 — Раенко-Туранский Я. Н. Адыги до и после Октября. Ростов н/Д: Крайнациздат, 1927. 180 с. [Raenko-Turansky Ya. N. *Adygi do i posle Oktyabrya* [The Adyghe: before and after the October Revolution]. Rostov-on-Don: Kraynatsizdat, 1927. 180 p. (In Rus.)]
- Розмирович 1926 — Розмирович Е. Ф. НОТ, РКИ и партия: к постановке вопроса о технике управления. М.: изд-во НК РКИ СССР, 1926. 243 с. [Rozmirovich E. F. *NOT, RKI i partiya: k postanovke voprosa o tekhnike upravleniya* [Scientific management, Rabkrin, and the Party: revisiting the question of management technology]. Moscow: Rabkrin of USSR, 1926. 243 p. (In Rus.)]
- Сталин 1945 — Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1945. 611 с. [Stalin I. V. *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. Moscow: Gospolitizdat, 1945. 11th ed. 611 p. (In Rus.)]
- Тахо-Годи 1927 — Тахо-Годи А. А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанск. гос. изд-во, 1927. 236 с. [Takho-Godi A. A. *Revolutsiya i kontrrevolyutsiya v Dagestane* [The Revolution and counter-revolution in Dagestan]. Makhachkala: Dagestan State Publ., 1927. 236 p. (In Rus.)]
- Туфанов 2018 — Туфанов Е. В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 37 (1). С. 32–42. [Tufanov E. V. The ways of nomination regional executives in 1920s – 1930s on the example of the North Caucasus. *Vestnik Kalmytского universiteta*. 2018. No. 37 (1). Pp. 32–42. (In Rus.)]
- Фукс 1931 — Фукс М. П. О некоторых болезненных вопросах рационализации управления // Организация управления. 1931. № 1. С. 4–5. [Fuks M. P. About some sore questions of management rationalization. *Organizatsiya upravleniya*. 1931. No. 1. Pp. 4–5. (In Rus.)]
- Хлынина 2014 — Хлынина Т. П. Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 3. С. 106–111. [Khlynina T. P. North Caucasus: korenization and solution of the national question in the 1920s–1930s. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*. 2014. Vol. 10. No. 3. Pp. 106–111. (In Rus.)]
- Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012 — Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Россий-

- ский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с. [Khlynina T. P., Krinko E. F., Urushadze A. T. *Rossiyskiy Severnyy Kavkaz: istoricheskiy opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [Russia's North Caucasus: historical experience of administration and delineation of regional borders]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2012. 272 p. (In Rus.)]
- Хмара 2006 — Хмара Н. И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126–139. [Khmara N. I. Excerpts from the experience of nation statehood construction in the USSR (1920s–1930s). *Otechestvennaya istoriya*. 2006. No. 3 Pp. 126–139. (In Rus.)]
- Хутыз 1993 — Хутыз К. К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. (На материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1993. 362 с. [Khutyz K. K. *Natsional'nye otnosheniya v usloviyakh totalitarizma: opyt i uroki. 1917–1940 gg. (Na materialakh adygskikh narodov Severnogo Kavkaza)* [(Inter-)ethnic relations in the context of totalitarianism: experiences and lessons (a case study of the Adyghe peoples in the North Caucasus)]. Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1993. 362 p. (In Rus.)]
- Чернев 2004 — Чернев А. Д. Правящая партия в системе советского государственного управления // Проблемы отечественной истории. Вып. 8. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 149–195. [Chernev A. D. Political elites within the Soviet state administrative system. *Problemy otechestvennoy istorii*. Is. 8. Moscow: Russian Acad. of Public Administration, 2004. Pp. 149–195. (In Rus.)]
- Шаповал 2014 — Шаповал Ю. И. Александр Шумский: Судьба наркома в империи «позитивного действия» // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Мат-лы VI междунар. научн. конф. (г. Киев, 10–12 октября 2013 г.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 54–64. [Shapoval Yu. I. Aleksandr Shumsky: destiny of the people's commissar in the Affirmative Action Empire. *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody* [Soviet Nations and Nationalities Policy: 1920–1950s]. Proc. of the 6th Internat. research conf. (Kiev, 10–12 October 2013). Moscow: ROSSPEN, 2014. Pp. 54–64. (In Rus.)]
- Шнайдер 2007 — Шнайдер В. Г. Советское национал-строительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. 416 с. [Sneider V. G. *Sovetskoe natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya* [North Caucasus: construction of nations by the Soviets (1917–late 1950s)]. Armavir: Armavir State Pedagogical Acad., 2007. 416 p. (In Rus.)]
- Эльбиздукаева 2013 — Эльбиздукаева Т. У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20–30-е годы XX века: автореф. дисс... на соиск. уч. степени д-ра ист. наук, 2013. 46 с. [Elbizdukaeva T. U. *Sotsial'no-ekonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe razvitie Chechni i Ingushetii v 20–30-e gody XX veka* [Socio-economic, political and cultural development of Chechnya and Ingushetia in the 1920–1930s]. A ScD thesis abstract, 2013. 46 p. (In Rus.)]
- Этнический и религиозный факторы 2012 — Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с. [Etnicheskiy i religioznyy faktory v formirovanii i evolyutsii rossiyskogo gosudarstva [Formation and evolution of the Russian State: ethnic and religious factors]. T. Yu. Krasovitskaya, V. A. Tishkov (eds.). Moscow: Novyy Khronograf, 2012. 448 p. (In Rus.)]
- Этнокультурные проблемы 2002 — Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект / под ред. А. И. Шаповалова. Армавир: Издат. центр АГПИ, 2002. С. 87. [Etnokul'turnye problemy Severnogo Kavkaza: sotsial'no-istoricheskiy aspekt [Ethnocultural challenges in the North Caucasus: a socio-historical perspective]. A. I. Shapovalov (ed.). Armavir: Armavir State Pedagogical Acad., 2002. 87 p. (In Rus.)]
- Янчевский 1927 — Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1–2. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. 208 с. [Yanchevsky N. L. *Grazhdanskaya bor'ba na Severnom Kavkaze* [The civil struggle (war) in the North Caucasus]. Vol. 1–2. Rostov-on-Don: Sevkavkniga, 1927. 208 p. (In Rus.)]

UDC 930+94(47).084.6

Korenization in National Autonomies of Southern Russia in the 1920–1930s: a Historical Experience of Administrative Apparatus Formation and Policy Implementation

*Ekaterina N. Badmaeva*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc), Associate Professor, Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4472-5535. E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Abstract. Domestic historiography (both Soviet and Russian ones) has paid considerable attention to studies of the organization and functioning of multi-leveled government structures supposed to administer the huge, multiethnic and multiconfessional country.

The process of national-state construction and management of national and socio-economic problems in Southern Russia during this period – especially in the North Caucasus inhabited by dozens of ethnic groups with centuries-old cultures and religions – was basically difficult, and the especially difficult task to resolve was the essence and principles for handling land-territorial issues and structural government institutionalization. In the course of administrative procedures, national traditions and customs, peculiarities of national characters of the locals were to be taken into account; it was also required to diplomatically combine new and old forms of government, and, if necessary, turn to traditional governance institutions.

With due regard of the new realities — transition to a new economic policy, collectivization — the Central Committee of the CPSU (b) chose to pay special attention to non-Russian peoples, with an emphasis on the training of national cadres and their involvement in work within the newly established local authorities. Korenization ('nativization'; Rus. korenizatsiya) of the state apparatus and socio-cultural institutions was initiated in national autonomies of Southern Russia which was basically the case with the rest of the country. The policy was perceived by the authorities as a major stipulation for the development of statehood of indigenous peoples, as 'a means of pulling forth the culturally and economically backward non-Russians to the level of the advanced (nations)'. With the aid of the movement, the Bolshevik party sought, on the one hand, to strengthen its positions in the national regions, and, on the other, to spread Communist ideas among their populations. As is known, the national regions of Southern Russia experienced acute shortage of specialists that would be representatives of titular nationalities in state and public bodies, economic and cultural institutions, industry and in agriculture. To a certain extent, the national autonomies did form certain national cadres – active and obedient conductors of the Communist Party's policy in respective regions, those who lived in constant fear of continuous repressions on behalf of the state and, as a result, could not protect the ethnic and national interests of their peoples sufficiently enough.

Keywords: government bodies, Southern Russia, national autonomies, 20th century, the government system, policy of Korenization, national cadres